

УДК 341.1/.8:341.217(4):620.9:338.49

DOI: 10.34670/AR.2026.54.78.089

Проект «Южный поток» и трансформация международно-правовых основ энергетических отношений России и Европейского союза

Леонова Ольга Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственных и муниципальных финансов,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: olympiada@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проект «Южный поток» как пример трансформации международно-правовых основ энергетических отношений России и Европейского союза. Исследуются межправительственные соглашения Российской Федерации с государствами, участвовавшими в реализации проекта, а также международно-правовые условия его осуществления в сфере трансграничной энергетической инфраструктуры. Обосновывается, что значение проекта «Южный поток» состоит не только в диверсификации маршрутов поставки российского природного газа, но и в выявлении пределов двусторонней межправительственной договорной модели при реализации инфраструктурного проекта на территории государств – членов Европейского союза. Значительное внимание уделяется разрешительному режиму морского участка, правам на использование мощностей газопровода, получению изъятий из правил доступа третьих сторон, налогово-таможенным положениям, обязательствам государств в рамках региональной экономической интеграции и последствиям применения Третьего энергетического пакета ЕС. Сделан вывод о том, что проект «Южный поток» показал необходимость развития более сложной международно-правовой модели защиты энергетических и инфраструктурных интересов государства, учитывающей межправительственные соглашения, право Европейского союза, политические и регуляторные риски, а также возможность изменения международно-правовой конфигурации маршрута проекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Леонова О.А. Проект «Южный поток» и трансформация международно-правовых основ энергетических отношений России и Европейского союза // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 728-735. DOI: 10.34670/AR.2026.54.78.089

Ключевые слова

Международно-правовые механизмы, энергетические отношения, право Европейского союза, трансграничная энергетическая инфраструктура, межправительственные соглашения, Третий энергетический пакет ЕС, региональная экономическая интеграция, газотранспортная инфраструктура, проект «Южный поток», проект «Турецкий поток».

Введение

Развитие трансграничной энергетической инфраструктуры традиционно относится к числу направлений международного сотрудничества, в которых экономические интересы государства непосредственно связаны с вопросами энергетической безопасности, устойчивости поставок, защиты инвестиций и сохранения контроля над стратегическими маршрутами. В этом отношении проект «Южный поток» занимает особое место, поскольку он был связан не только с созданием новой газопроводной системы, но и с формированием сложной международно-правовой конструкции, включавшей морской участок, сухопутные участки на территории нескольких государств, совместные проектные компании, налогово-таможенные положения, разрешительные процедуры и условия взаимодействия с правом Европейского союза.

В научной литературе проект «Южный поток» первоначально рассматривался как элемент укрепления энергетической безопасности Европы. Так, С.А. Булаев отмечал: «Проект «Южный поток» нацелен на укрепление энергетической безопасности Европы» [Булаев, 2013, стр. 236]. Данная оценка отражала общий подход к проекту как к инфраструктурной основе стабильных поставок природного газа и диверсификации маршрутов. Вместе с тем последующее развитие событий показало, что международно-правовое значение проекта оказалось значительно шире. «Южный поток» стал примером столкновения межправительственных соглашений с наднациональным регулированием Европейского союза, что предопределило необходимость его анализа не только в экономическом, но и в международно-правовом измерении.

Актуальность темы определяется тем, что проект «Южный поток» позволяет выявить пределы двусторонней договорной модели в условиях, когда государство реализации проекта является членом регионального экономического интеграционного объединения. В таких условиях межправительственное соглашение не теряет самостоятельного значения, однако его исполнение сталкивается с правовой средой, включающей требования доступа третьих сторон, правила разделения транспортных систем, тарифное регулирование, сертификацию операторов и иные элементы энергетического регулирования Европейского союза.

Целью настоящего исследования является выявление международно-правового значения проекта «Южный поток» для оценки трансформации энергетических отношений России и Европейского союза. Для достижения указанной цели рассматриваются договорные, разрешительные, институциональные, налогово-таможенные и наднациональные элементы проекта, а также их значение для защиты инфраструктурных интересов государства.

Материалами исследования выступают межправительственные соглашения Российской Федерации с государствами, участвовавшими в реализации проекта «Южный поток», а также научные публикации, посвященные техническим, экономическим, политическим и международно-правовым аспектам данного проекта. Были рассмотрены положения соглашений Российской Федерации со Словенией, Австрией, Хорватией и Турцией, поскольку они позволяют показать различные уровни правовой конструкции проекта: сухопутный, морской, проектно-институциональный и интеграционно-регуляторный.

Для анализа использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и историко-правовой методы. Формально-юридический метод позволил раскрыть содержание международных договоров и выделить закрепленные в них правовые механизмы. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления различных договорных моделей, использованных в отношении отдельных участков проекта. Системный метод позволил

рассмотреть «Южный поток» как совокупность взаимосвязанных международно-правовых, национально-правовых, институциональных и организационных элементов. Историко-правовой метод использован для оценки перехода от проекта «Южный поток» к проекту «Турецкий поток» как изменению международно-правовой конфигурации энергетического маршрута.

Отдельный уровень исследования составляет морской разрешительный режим проекта. В Протоколе между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в газовой сфере закреплялось получение «разрешений на проведение морских рекогносцировочных и экологических изысканий по маршруту газопровода «Южный поток» для его сооружения в исключительной экономической зоне Турецкой Республики» (статья 2) [Протокол между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в газовой сфере, 2009, стр. 2]. Данная формулировка показывает, что морской участок проекта требовал не только технической подготовки, но и специального международно-правового разрешительного обеспечения со стороны прибрежного государства.

Основная часть

Проведенный анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных уровней международно-правовой конструкции проекта «Южный поток».

Первый уровень связан с обеспечением маршрута и разрешительного режима. Проект предполагал создание новой газопроводной системы из Российской Федерации через акваторию Черного моря и территории государств Европы. В отличие от обычной экспортной поставки, речь шла о формировании инфраструктурного коридора, требующего согласованных действий государств, национальных компетентных органов, проектных компаний и участников строительства. Морской участок в исключительной экономической зоне Турции и сухопутные участки в европейских государствах образовывали единую, но неоднородную правовую систему.

Второй уровень выражался в создании проектных компаний и закреплении прав на использование мощностей газопровода. В ряде межправительственных соглашений были установлены положения о совместных компаниях, их собственности, финансировании, участии национальных компаний и распределении прав между учредителями. Наиболее показательно в этом отношении Соглашение с Хорватией, согласно которому «Права на использование всех мощностей газопровода принадлежат российскому учредителю или уполномоченному им юридическому лицу» (статья 6) [Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Хорватии о сотрудничестве при создании и эксплуатации газопровода на территории Республики Хорватии, 2010, стр. 5]. Эта формула отражает стремление закрепить в международном договоре не только общую поддержку проекта, но и экономическое содержание контроля над инфраструктурными мощностями.

Третий уровень образуют механизмы согласования проекта с энергетическим регулированием Европейского союза. В Соглашении со Словенией прямо предусматривалось, что Словенская сторона окажет содействие в получении исключения «в отношении прав на доступ третьих сторон к мощностям газопровода, регулирования тарифов и правил разделения транспортных систем и системных операторов» (статья 7) [Соглашение между Правительством

РФ и Правительством Республики Словении о сотрудничестве при создании и эксплуатации газопровода на территории Республики Словении, 2009, стр. 4]. Данная норма имеет принципиальное значение, поскольку она показывает, что стороны изначально учитывали возможное воздействие права Европейского союза на реализацию проекта. При этом само включение такого положения свидетельствует о том, что классическая двусторонняя договорная модель уже не могла быть достаточной без специальных изъятий из наднационального энергетического регулирования.

Четвертый уровень связан с участием государств в региональных экономических интеграционных объединениях. Австрийское соглашение закрепляло, что оно «не затрагивает обязательства каждой из Сторон, вытекающие из их участия в каких-либо региональных экономических интеграционных объединениях» (статья 11) [Соглашение между Правительством РФ и Правительством Австрийской Республики о сотрудничестве при создании и эксплуатации газопровода на территории Австрийской Республики, 2010, стр. 8]. Однако данная оговорка не устраняла вопрос о материальном ущербе, вызванном действием или бездействием, основанным на ссылке на такие обязательства. В этой конструкции проявляется попытка сохранить баланс между обязательствами государства как участника Европейского союза и обязательствами по двустороннему межправительственному соглашению с Российской Федерацией.

Пятый уровень связан с оценкой политико-правовых и регуляторных рисков реализации проекта. В исследовании Д.В. Шамина на примере сербского участка проекта прямо указывалось, что «Наибольший вес имеет группа политических рисков вследствие высокой степени неопределенности, слабой прогнозируемости и управляемости, катастрофических размеров потенциальных последствий» [Шамин, 2014, стр. 68]. Данный вывод имеет значение не только для риск-менеджмента, но и для международно-правовой оценки проекта. Он показывает, что наиболее опасные ограничения инфраструктурного проекта могут возникать не из технической сложности строительства, а из изменения политико-правовой среды реализации.

В результате можно говорить о том, что проект «Южный поток» включал транзитно-разрешительные, проектно-институциональные, налогово-таможенные стабилизационные, интеграционно-правовые элементы, а также механизмы реагирования на политико-правовые и регуляторные риски. Их совокупность образовывала международно-правовую конструкцию, направленную на защиту российских инфраструктурных интересов. Однако данная конструкция столкнулась с ограничениями, обусловленными развитием права Европейского союза и изменением политической обстановки.

Ключевым международно-правовым вопросом проекта стало соотношение двусторонних межправительственных соглашений с правом Европейского союза. В научной литературе это обстоятельство получило наиболее последовательное раскрытие в статье И. Буника, где отмечалось, что «Принятие в июле 2009 г. «Третьего энергетического пакета» (ТЭП) ЕС и его дальнейшее вступление в силу существенно осложнили сотрудничество по реализации проекта «Южный поток» на взаимовыгодных условиях для России и отдельных государств–членов европейского интеграционного объединения, впоследствии сделав его политически нецелесообразным.» [Буник, 2018, стр. 127]. Данная позиция позволяет рассматривать «Южный поток» как пример правового конфликта между международно-договорной моделью и наднациональной моделью регулирования энергетического рынка.

Особенность этого конфликта состояла в том, что государства — участники проекта

подписывали межправительственные соглашения, исходя из необходимости создания новой энергетической инфраструктуры, обеспечения стабильности поставок и повышения энергетической безопасности. Однако наднациональное регулирование Европейского союза было направлено на либерализацию энергетического рынка, ограничение вертикально интегрированных структур, обеспечение доступа третьих сторон и разделение функций поставки и транспортировки. Для России это означало, что инфраструктурный проект, обеспеченный межправительственными соглашениями, мог оказаться зависимым от решений институтов Европейского союза, не являвшихся стороной соответствующих двусторонних соглашений.

Научное значение проекта «Южный поток» состоит в том, что он показывает пределы классического подхода, при котором межправительственное соглашение рассматривается как достаточная гарантия реализации стратегического инфраструктурного проекта. В условиях Европейского союза государство — участник двустороннего соглашения одновременно связано обязательствами, вытекающими из участия в интеграционном объединении. Поэтому договорная защита проекта должна учитывать возможность последующего обращения государства к праву интеграционного объединения как к основанию для изменения поведения при реализации проекта.

При этом учет правовой среды Европейского союза не означает признания приоритета наднационального регулирования над межгосударственными обязательствами Российской Федерации. Для российской международно-правовой доктрины более корректным является иной подход: право Европейского союза должно рассматриваться как элемент правовой среды государства реализации проекта, который должен быть заранее оценен с точки зрения рисков, компенсационных механизмов, сохранения договорных обязательств, порядка разрешения споров и возможности трансформации маршрута.

В этом отношении проект «Южный поток» важен как опыт последующей адаптации международно-правовой стратегии России. В современных исследованиях прямо отмечается, что «Проект «Южный поток», являющийся предшественником проекта «Турецкий поток», появился в 2007 г. после того, как Евросоюз объявил о проекте «Набукко»» [Гокджен, 2025, стр. 111]. Переход от «Южного потока» к «Турецкому потоку» можно рассматривать не только как изменение маршрута, но и как изменение международно-правовой конструкции проекта. Если «Южный поток» был ориентирован на реализацию на территории государств — членов Европейского союза в условиях действия права ЕС, то «Турецкий поток» позволил изменить транзитную конфигурацию и перенести центр правовой конструкции на взаимодействие с Турцией как самостоятельным энергетическим узлом.

Данное обстоятельство позволяет сформулировать более общий вывод. При реализации трансграничных энергетических проектов международно-правовая защита интересов государства должна включать не только закрепление прав участников, условий финансирования, налогово-таможных режимов и транзитных гарантий, но и предварительную оценку регуляторной среды интеграционных объединений, в пределах которых реализуется проект. Отсутствие такой оценки может привести к ситуации, при которой формально действующие межправительственные соглашения не обеспечивают фактическую реализацию инфраструктурного проекта.

Проект «Южный поток» имеет самостоятельное значение для международно-правовой науки, поскольку позволяет рассмотреть трансформацию энергетических отношений России и

Европейского союза через призму инфраструктурного проекта, обеспеченного системой межправительственных соглашений, но столкнувшегося с наднациональным регулированием Европейского союза.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что договорная модель проекта включала несколько категорий международно-правовых механизмов. К ним относятся разрешительные механизмы, связанные с морским участком и исключительной экономической зоной Турции; институциональные механизмы, выраженные в создании проектных компаний и распределении прав на мощности; фискально-стабилизационные механизмы, включавшие налогово-таможенные положения; интеграционно-регуляторные механизмы, связанные с получением изъятий из правил доступа третьих сторон и тарифного регулирования; а также механизмы реагирования на политико-регуляторные риски.

Проект показал, что международно-правовые основы энергетических отношений России и Европейского союза претерпели переход от модели двустороннего межгосударственного обеспечения транзита к более сложной модели, в которой ключевое значение приобрели нормы региональной экономической интеграции. При этом само наличие таких норм не отменяет самостоятельного значения межправительственных соглашений, но требует заблаговременного учета рисков их применения.

Значение проекта «Южный поток» состоит также в том, что он стал правовым предшественником последующей трансформации маршрута в сторону «Турецкого потока». Такой переход свидетельствует о способности России адаптировать международно-правовую конструкцию стратегического инфраструктурного проекта к изменившимся условиям, сохраняя при этом основную цель — обеспечение устойчивых поставок российского природного газа и защиту инфраструктурных интересов государства.

Библиография

1. Булаев С. А. Газопровод «Южный поток»: задачи, инновации, перспективы // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 5. С. 236-240.
2. Буник И. Международно-правовые аспекты приостановления проекта «Южный поток» // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 2(53). С. 122-140. DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.7.
3. Гокджен М. И. Турецкий поток и отношения энергетической безопасности между Турцией и Россией в 2020 - 2024 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16, № 1. С. 108-119. DOI 10.31862/2500-2988-2025-16-1-108-119.
4. Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в газовой сфере, Анкара, 6 августа 2009 г.
5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Австрийской Республики о сотрудничестве при создании и эксплуатации газопровода на территории Австрийской Республики, Вена, 24 апреля 2010 г. // Бюллетень международных договоров. 2011. № 9. С. 62-67.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словении о сотрудничестве при создании и эксплуатации газопровода на территории Республики Словении, Москва, 14 ноября 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2010. № 11. С. 74-80.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватии о сотрудничестве при создании и эксплуатации газопровода на территории Республики Хорватии, Москва, 2 марта 2010 г. // Бюллетень международных договоров. 2011. № 5.
8. Шамин Д. В. Анализ и оценка рисков проекта «Южный поток» по территории Республики Сербия // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 3(84). С. 66-74.

The South Stream Project and the Transformation of the International Legal Framework of Energy Relations between Russia and the European Union

Ol'ga A. Leonova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of State and Municipal Finance,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: olympiada@mail.ru

Abstract

The article examines the South Stream project as an example of the transformation of the international legal framework of energy relations between Russia and the European Union. The intergovernmental agreements of the Russian Federation with the states that participated in the project implementation, as well as the international legal conditions for its execution in the field of cross-border energy infrastructure, are studied. It is substantiated that the significance of the South Stream project lies not only in the diversification of Russian natural gas supply routes but also in revealing the limits of the bilateral intergovernmental contractual model when implementing an infrastructure project on the territory of European Union member states. Considerable attention is paid to the permit regime for the offshore section, rights to use the gas pipeline capacity, obtaining exemptions from third-party access rules, tax and customs provisions, obligations of states within the framework of regional economic integration, and the consequences of applying the EU Third Energy Package. The conclusion is drawn that the South Stream project demonstrated the need to develop a more complex international legal model for protecting the energy and infrastructure interests of the state, taking into account intergovernmental agreements, European Union law, political and regulatory risks, as well as the possibility of changing the international legal configuration of the project route.

For citation

Leonova O.A. (2026) Proekt «Yuzhnyy potok» i transformatsiya mezhdunarodno-pravovykh osnov energeticheskikh otnosheniy Rossii i Evropeyskogo soyuza [The South Stream Project and the Transformation of the International Legal Framework of Energy Relations between Russia and the European Union]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 728-735. DOI: 10.34670/AR.2026.54.78.089

Keywords

International legal mechanisms, energy relations, European Union law, cross-border energy infrastructure, intergovernmental agreements, EU Third Energy Package, regional economic integration, gas transportation infrastructure, South Stream project, Turkish Stream project.

References

1. Bulaev, S. A. (2013). Gazoprovod «Yuzhnyy potok»: zadachi, innovatsii, perspektivy [Gas pipeline "South Stream": objectives, innovations, prospects]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, *16*(5), 236-240.

2. Bunik, I. (2018). Mezhdunarodno-pravovyye aspekty priostanovleniya proyekta «Yuzhnyy potok» [International legal aspects of suspending the South Stream project]. *Mezhdunarodnyye protsessy*, *16*(2(53)), 122-140. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.7.
3. Gokcen, M. I. (2025). Turetskiy potoki otnosheniya energeticheskoy bezopasnosti mezhdu Turtsiyey i Rossiyey v 2020 - 2024 gg. [TurkStream and energy security relations between Turkey and Russia in 2020-2024]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, *16*(1), 108-119. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-108-119.
4. Protocol between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Turkey on cooperation in the gas sector, Ankara, August 6, 2009.
5. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Austria on cooperation in the creation and operation of a gas pipeline in the territory of the Republic of Austria, Vienna, April 24, 2010. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2011, No. 9, pp. 62-67.
6. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Slovenia on cooperation in the creation and operation of a gas pipeline in the territory of the Republic of Slovenia, Moscow, November 14, 2009. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2010, No. 11, pp. 74-80.
7. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Croatia on cooperation in the creation and operation of a gas pipeline in the territory of the Republic of Croatia, Moscow, March 2, 2010. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2011, No. 5.
8. Shamin, D. V. (2014). Analiz i otsenka riskov proyekta «Yuzhnyy potok» po territorii Respubliki Serbiya [Analysis and risk assessment of the South Stream project in the territory of the Republic of Serbia]. *Effektivnoye antikrizisnoye upravleniye*, *3*(84), 66-74.